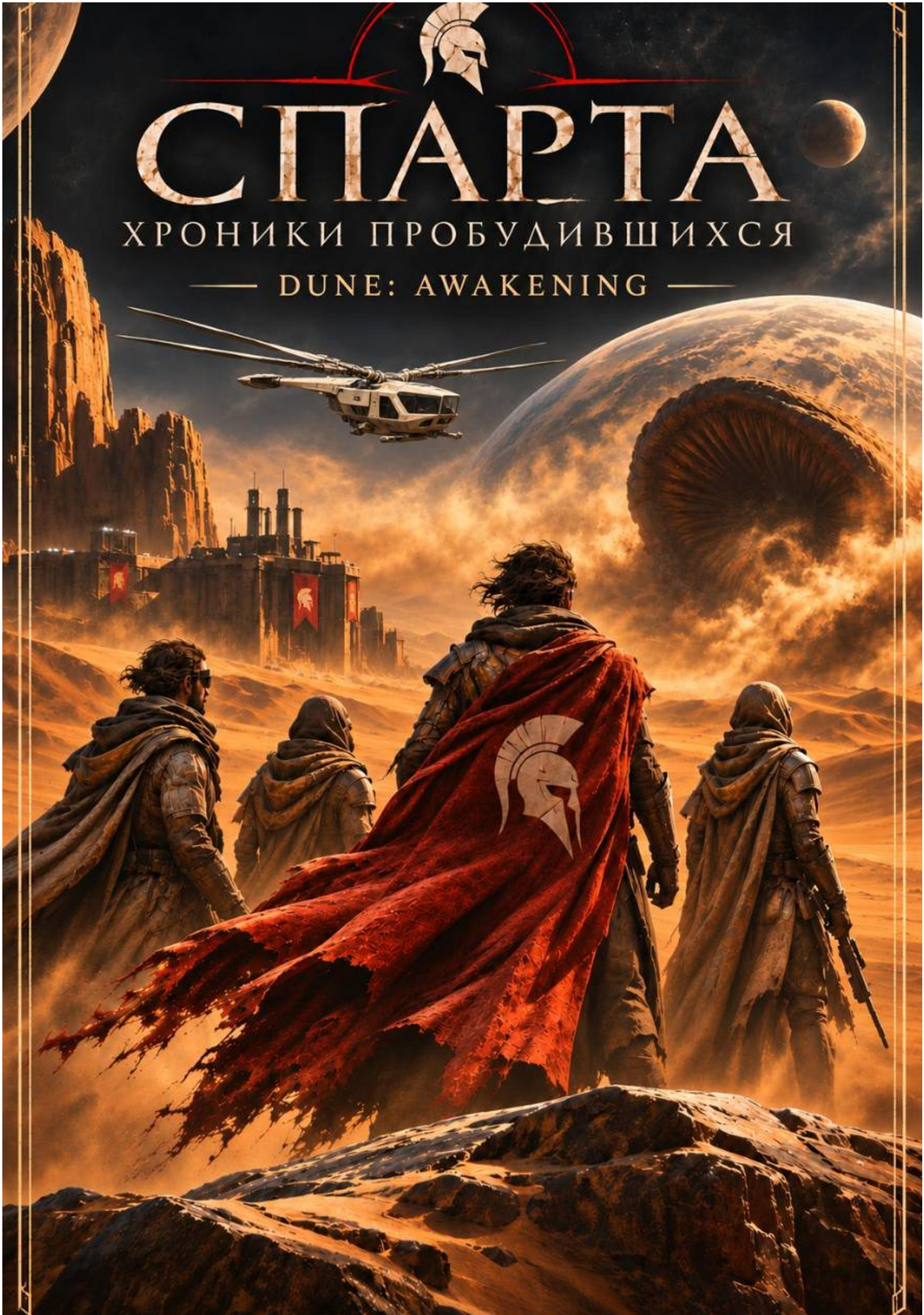

СПАРТА
ХРОНИКИ ПРОБУДИВШИХСЯ
DUNE: AWAKENING

Go BLIN

Спарта. Хроники Пробудившихся

«Автор»
2026

BLIN G.

Спарта. Хроники Пробудившихся / G. BLIN — «Автор», 2026

Арракис не прощает слабости. Здесь песок поглощает города, пряность становится причиной войн, а человеческая жизнь порой стоит дешевле глотка воды.На суровом сервере Пакс судьба сводит четверых странников — Архи, Саяра, Макдонала и Гоблина. Разные характеры, разные цели, но одно стремление — обрести свободу и найти тех, кому можно доверять.Покинув гильдию «Матрикс», они отправляются на Андромеду, где под палящим солнцем Арракиса рождается СПАРТА.Впереди — опасные экспедиции, сражения, политические интриги, торговые авантюры и неожиданные знакомства. Новые соратники будут пополнять ряды братства, превращая небольшую гильдию в силу, которой ещё предстоит заявить о себе.Но эта история не о великих полководцах и избранных героях. Она о людях, которые спорят, ошибаются, смеются, сражаются и вместе преодолевают трудности.«СПАРТА. Хроники Пробудившихся» — фантастическая сага о дружбе, свободе и единстве, рождающемся среди песков.

© BLIN G., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Песок помнит первых 6
Четыре осколка одной судьбы 9
Пакс. Цена свободы 11
Андромеда. Храм Ареса 14
ИМПЕРСКАЯ СТАНЦИЯ № 89 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Спарта. Хроники Пробудившихся

Песок помнит первых

Одно слово. Шесть букв. Имя, которое ещё недавно ничего не значило для Великих Домов, торговых синдикатов и многочисленных властителей песчаных пустошей.

Но Арракис — планета, где всё меняется.

Здесь вчерашний изгнанник может стать повелителем целого региона, могущественный Дом — рассыпаться в прах за одну ночь, а горстка никому не известных людей — положить начало истории, которую будут пересказывать у костров, в укреплённых сьетчах и шумных залах Арракина.

Пустыня не спрашивает, кем ты был прежде. Ей безразличны твои титулы, богатства и заслуги. Она испытывает каждого одинаково: беспощадным солнцем, жаждой, предательством и страхом перед тем, что скрывается под бескрайними песками.

Одни ломаются. Другие приспосабливаются. Третьи становятся частью самой пустыни.

Но есть и те, кто отказывается принимать правила, написанные чужой рукой.

Именно с таких людей начинается история СПАРТЫ.

Говорят, задолго до появления первых поселений на Арракисе, задолго до того, как пряность стала мерилом власти, существовало нечто единое. Не империя, не армия и не Великий Дом. Нечто, чья сила заключалась не в подчинении, а в неразрывной связи между его частями.

Время уничтожило его имя. Войны стёрли следы. Пески поглотили последние свидетельства существования.

Но уничтожить всё не удалось.

Остались осколки.

Разбросанные по мирам, разделённые расстояниями и судьбами, они жили, сражались, терпели поражения и одерживали победы, даже не подозревая о существовании друг друга.

Кто-то искал богатства. Кто-то — славы. Кто-то просто хотел выжить. Были среди них воины, строители, торговцы, разведчики, мечтатели и отчаянные авантюристы.

Они отличались характерами, убеждениями и привычками. Одни предпочитали решать вопросы словом, другие доверяли оружию. Одни тщательно просчитывали каждый шаг, другие бросались навстречу опасности, прежде чем успевали подумать о последствиях.

Но всех объединяло нечто большее, чем общая цель.

Каждый из них однажды должен был услышать зов.

Не голос, звучащий в голове. Не приказ, которому невозможно сопротивляться. Скорее чувство, что где-то среди бесчисленных миров существуют люди, рядом с которыми не придётся притворяться кем-то другим.

Люди, с которыми можно разделить последнюю каплю воды, последний заряд оружия и последнюю надежду.

В тайных анналах Бене Гессерит подобное явление могли бы назвать отголоском генетической памяти. Навигаторы Космической гильдии, опьянённые пряностью, возможно, увидели бы в нём пересечение тысяч вероятных судеб.

Но сами они не искали объяснений.

Они просто продолжали свой путь.

И однажды их дороги начали сходиться.

Арракис не был гостеприимным местом для подобных встреч.

На его бескрайних просторах люди исчезали ежедневно. Одних забирали песчаные бури, других — разбойники, третьих поглощала ненасытная пасть Шаи-Хулуда.

В укреплённых поселениях кипела торговля. За пределами защитных полей действовали иные законы. Здесь верность нередко покупалась за пряность, дружба заканчивалась вместе с запасами воды, а вчерашний союзник мог оказаться завтрашним врагом.

Гильдии возникали и распадались. Их знамена поднимались над крепостями, чтобы спустя несколько недель исчезнуть под песком. Одни строили своё могущество на страхе, другие — на богатстве, третьи — на беспрекословном подчинении.

Великие Дома наблюдали за этой борьбой с высоты своих политических интересов, используя амбиции небольших объединений в собственных целях.

Каждый стремился занять место под солнцем.

Но мало кто задумывался, ради чего это место нужно.

Будущие спартанцы ещё не знали, какое имя однажды станет их общим знаменем. Они не давали клятв, не писали законов и не строили планов завоевания Арракиса.

Они просто жили в этом жестоком мире.

Учились выживать, доверять и сомневаться. Теряли снаряжение, добывали ресурсы, вступали в союзы и наблюдали, как легко красивые слова превращаются в пустой звук, когда приходит время отвечать за товарищей.

Постепенно среди бесконечных столкновений, случайных знакомств и неприметных разговоров зарождалось понимание.

Сильная гильдия — это не только стены её крепости, размеры складов или количество бойцов.

Это люди.

Те, кто остаётся рядом, когда исчезает выгода.

Те, кто способен спорить друг с другом, но в решающий момент встать плечом к плечу.

Те, для кого общее знамя значит больше личных амбиций.

Именно им предстояло стать СПАРТОЙ.

Не потому, что кто-то назначил их избранными.

А потому, что однажды они сами сделают этот выбор.

Первые следы будущего братства затерялись среди множества миров.

Их замечали на выжженных равнинах Пакса, в токсичных испарениях Эпсилона, на суровых просторах Туканы, среди изменчивых аномалий Жонглера и кристаллических шпилей Короны.

Возможно, это были лишь слухи. Возможно, случайные совпадения. А возможно, пустыня уже тогда собирала тех, кому предстояло изменить собственную судьбу.

Но однажды разрозненные пути действительно пересеклись.

Произошло это на Паксе.

Старом, измотанном мире, где почти не осталось места для наивных надежд.

Здесь песок давно перемешался с пеплом сгоревших машин. Руины заброшенных баз напоминали о гильдиях, некогда считавших себя непобедимыми. Ветераны многочисленных конфликтов знали цену каждому патрону, каждому литру топлива и каждому обещанию.

Врата этого мира были закрыты для новых странников. Те, кто остался, давно перестали быть новичками.

Пакс жил по суровым правилам.

Здесь уважали силу, опасались хитрости и редко прощали слабость.

Но именно в таком месте легче всего было понять истинную цену товарищества.

Будущая СПАРТА ещё не обладала собственными крепостями, многочисленным войском или влиянием среди Великих Домов. Не существовало ни совета офицеров, ни общего знамени, под которым однажды соберутся десятки людей.

Всё это было впереди.

Пока история только готовилась сделать первый шаг.

Четверо людей, каждый со своим прошлым, характером и представлением о справедливости, оказались в одном мире. Им предстояло пройти через чужие приказы, внутренние противоречия, опасности пустыни и решения, последствия которых невозможно было предугадать.

Они ещё не знали, что однажды покинут Пакс.

Не знали, что их путь приведёт на Андромеду, где вокруг небольшого братства начнут собираться новые люди.

И уж тем более не могли знать, какие испытания приготовит им будущее.

Но одно уже становилось неизбежным.

История, начавшаяся с четверых, не должна была остаться историей четырёх.

Каждый, кто впоследствии примет знамя СПАРТЫ, станет частью её судьбы. Каждый принесёт с собой собственную историю. И из этих историй постепенно сложится нечто большее, чем простая сумма человеческих судеб.

Так рождаются братства.

Так появляются легенды.

И так начинается история СПАРТЫ.

Пакс. Мир ржавого металла, истощённых месторождений и старых обид.

Именно здесь были сделаны первые шаги к рождению братства, которому ещё предстояло обрести своё имя.

Пустыня ждала.

А песок, как известно, ничего не забывает.

Четыре осколка одной судьбы

На Паксе даже песок казался старым.

Не золотым, каким его изображали на имперских плакатах, а серым — от пепла сгоревших орнитоптеров, ржавчины брошенных багги и пыли, которую поднимали бесконечные караваны. Здесь давно перестали считать дни с момента высадки. Врата для новых странников закрылись, и каждый, кто оставался в этом мире, успел чему-нибудь научиться.

Над Глубокой Пустыней висели обломки прежних амбиций. Разорённые стоянки, пустые топливные баки, покинутые укрепления: всё это когда-то принадлежало людям, уверенным, что пришли на Арракис навсегда. Теперь о них напоминали лишь названия, выцветшие на металлических щитах.

Именно здесь пересеклись пути четверых. Тогда они ещё не были советом офицеров. Не существовало ни общего герба, ни гильдии, ни имени, которое впоследствии станет их знаменем. Были Архи, Саяр, Макдонал и Гоблин — люди с разными привычками, талантами и представлениями о том, как следует жить среди песков.

Вчетвером они не походили на стройный отряд из учебников Империи. Один проверял крепления, другой уже спорил с торговцем, третий искал повод испытать оружие, а четвёртый успевал выяснить, сколько стоит это оружие, кому оно принадлежало вчера и почему продавец так торопится от него избавиться.

Зато рядом друг с другом они постепенно находили то, чего Пакс почти никому не обещал: уверенность, что в трудный момент не придётся оставаться одному.

Архи умел видеть в хаосе конструкцию. Там, где остальные замечали лишь скалу, выжженный склон или заброшенный ангар, он мысленно прокладывал силовые линии, рассчитывал нагрузки и искал слабые места. Однажды, пока товарищи отбивались от налётчиков в Котловине Хагга, он осматривал руины старой имперской станции и спорил с самим собой о направлении ветра.

— Если поставить шлюз с юга, — наконец произнёс он, — соляная буря съест опоры быстрее, чем мы успеем обжиться.

— А если не поставить вообще? — спросил Макдонал, меняя магазин.

— Тогда буря съест нас.

— Убедил. Строй.

Архи не стремился командовать другими. Ему было достаточно знать, что построенное выдержит удар и укроет товарищей.

Саяр смотрел на мир иначе. Для него Пакс был не только картой месторождений и опасных маршрутов, но и сетью обязательств, обещаний и чужих интересов. Он разговаривал с теми, с кем Макдонал предпочёл бы сразу выяснить отношения, и нередко возвращался с добычей, которую нельзя было уложить в ящик: сведениями, договорённостями, отсрочками.

На нейтральном рынке Арракина Саяр однажды долго разглядывал дистикомб, предложенный торговцем из «Золотого Льва».

— У него шов расходится, — заметил он.

— Это следы эксплуатации. Но это редкая вещь.

— Редкая, потому что остальные уже утонули в собственном поту?

Торговец возмутился, Саяр улыбнулся, и через десять минут цена стала почти разумной. Ещё через пять выяснилось, что продавец знает о движении чужого каравана. Саяр ушёл с рынка без дистикомба, зато с информацией, которая оказалась куда полезнее.

Макдонал терпеть не мог долгие разговоры, особенно когда они мешали делу. Он доверял весу пулемёта, надёжности товарищеского плеча и простому правилу: если кого-то из своих нужно вытаскивать, сперва вытаскивай, а уже потом выясняй, кто виноват.

Однажды вылазка за пряностью пошла наперекосяк. Арендованный краулер остановился посреди открытого песка, транспортный орнитоптер никак не мог подойти к посадочной точке, а под ногами уже прокатывалась дрожь, от которой холодело внутри дистикомба.

— Червь! — раздалось в общем канале.

— Я заметил, — отозвался Макдонал.

Он остался на краю бархана, пока остальные переносили ящики с насыщенным песком. Бросил в сторону канистру с топливным гелем, поднял оружие и громко пообещал Шаи-Хулуду такое, чего даже самый бесстрашный фримен не решился бы повторить вслух. Гигант ушёл на приманку лишь на несколько мгновений. Этого хватило, чтобы отряд добрался до орнитоптера.

Позже Макдонал уверял, что всё было рассчитано.

— Особенно та часть, где ты ругался на червя? — спросил Саяр.

— Психологическое давление.

— На существо без ушей?

— Сработало же.

Гоблин не спорил. Он уже выяснял, кто сдавал краулер в аренду и почему в договоре мелким шрифтом значилось: «Возврат машины после встречи с песчаным червём не гарантируется».

Прозвище Гоблина звучало не слишком благородно, и это его вполне устраивало. Пока другие мечтали о гербах Великих Домов, он предпочитал карманы, в которых всегда находилось что-нибудь полезное, и знакомства, о которых лучше было не рассказывать при посторонних. Его оружием могли стать клинок, своевременный слух или знание того, кто именно ночью вывозил груз с чужого склада.

Гоблин знал тёмные уголки рынков и неприметные тропы между стоянками. Он не всегда первым вступал в бой, зато нередко первым узнавал, где бой вот-вот начнётся. На Паксе информация стоила дорого, но ещё дороже обходилась привычка не проверять её вовремя.

— Откуда ты это узнал? — как-то спросил Архи, когда Гоблин сообщил о засаде на маршруте.

— От человека, который очень не хотел мне рассказывать.

— Ты ему заплатил?

— Смотря что считать платой.

— Гоблин.

— Ладно. Я купил у него сломанный фильтр. Он был счастлив избавиться от него, а я — узнать, кто его сломал.

Четверо были непохожи друг на друга. Они спорили о маршрутах, цене топлива, толщине стен и том, сколько патронов нужно брать в поход. Иногда спорили так громко, что чужие могли принять их за врагов. Но когда над песками поднималась буря или на горизонте появлялись чужие огни, разговоры обрывались. Каждый занимал своё место без приказа.

Архи заботился, чтобы у них было куда вернуться. Саяр находил возможность пройти там, где путь казался закрытым. Макдонал не позволял опасности добраться до остальных без боя. Гоблин замечал угрозу раньше, чем она успевала обрести форму.

Никто из них не был важнее другого. И ни один не мог заменить всех остальных.

Пакс учил жестоким урокам, но среди ржавчины и пряности четверо усвоили самое важное: сила отряда рождается не из безошибочности каждого, а из готовности отвечать друг за друга.

А впереди их ждал «Матрикс» — гильдия, в которой им предстояло узнать, каким братство быть не должно.

Пакс. Цена свободы

На Паксе не любили перемен. Мир, переживший слишком много осад и предательств, давно научился отличать громкие обещания от настоящей силы. Здесь у каждой гильдии были свои склады, свои маршруты и свои правила.

Четверо будущих основателей СПАРТЫ тогда ещё носили знаки «Матрикса». Архи, Саяр, Макдонал и Гоблин пришли туда не ради красивого герба на броне. Им хотелось действовать вместе с другими, строить, сражаться, добывать пряность и возвращаться из пустыни с тем же числом товарищей, с каким они в неё выходили.

«Матрикс» представлялся надёжной машиной. Десятки бойцов, расписания вылазок, караваны, посты охраны. На первый взгляд всё работало. Но чем дольше четверо оставались внутри, тем отчётливее видели: в этой машине человек слишком легко превращался в строчку отчёта.

Приказы приходили сверху. Их обсуждение считалось промедлением, а сомнение — признаком слабости. Логистика то захлёбывалась избытком распоряжений, то исчезала в самый неподходящий момент. И всё же бойцы снова и снова выходили за ворота: пустыня не интересовалась внутренними разногласиями гильдий.

Архи первым заговорил о том, что в оборонительных планах есть дыры. Он видел их так же ясно, как трещины в несущих опорах. Достаточно было передвинуть узел снабжения, изменить порядок смены караулов, не отправлять ремонтников без прикрытия. Но его расчёты тонули в шуме штаба.

— Ты предлагаешь перестроить половину базы, — заметил однажды Саяр, глядя на схему.

— Нет, — ответил Архи. — Я предлагаю перестать чинить одну и ту же половину каждое утро.

Макдонал хмыкнул. Гоблин, сидевший рядом на ящике с деталями, поднял палец:

— Только старые опоры не выбрасывайте. Я знаю человека, который назовёт их редким довоенным сплавом.

Они рассмеялись. Смех продержался недолго, но в штабе, где обычно слышались лишь команды, это уже было маленькой победой.

Перелом наступил во время обороны прохода в Глубокую Пустыню. Поднявшийся ветер скрыл движение противника, связь рвалась, а песок бил по щитам так, будто сам Арракис решил принять участие в сражении. Один из передовых отрядов оказался отрезан. Вместо того чтобы вывести людей, командование приказало удерживать проход до ухода торговых караванов.

Архи, стоя по колено в пыли у повреждённого генератора щита, услышал приказ дважды. На третий раз он отключил общий канал и связался с остальными.

— Мы прикрываем груз, пока люди остаются там без пути назад. Это не план обороны. Это списание потерь заранее.

— У караванов пряность, — сухо отозвался Гоблин. — У отряда только жизни. Судя по расчётам штаба, пряность дороже.

Никто не ответил сразу. За перегородкой грохнул взрыв.

Саяр попытался добиться пересмотра приказа. Он пришёл к главе «Матрикса» не с угрозами, а с предложением: изменить маршрут отхода, выделить прикрытие, сохранить людей и груз, пусть даже ценой задержки. Глава выслушал его с выражением человека, которому мешают закончить важный подсчёт.

— Гильдия не может каждый раз останавливаться из-за чьих-то чувств, — сказал он. — Эффективность требует дисциплины. Мои люди выполняют мои приказы.

— Твои люди? — переспросил Саяр. — Они ведь пришли сюда не для того, чтобы стать твоей собственностью.

— Они пришли побеждать.

— Победа, после которой рядом не осталось никого, — странный товар. Даже Гоблин такой не купит.

Разговор закончился без соглашения. Саяр вышел из штаба и понял, что спор был вовсе не о маршруте каравана. Спорили о том, что такое гильдия и кому она принадлежит.

Последней каплей стал приказ оставить раненых союзников во время очередного выхода. На построении командование объяснило решение цифрами: эвакуация снижала скорость группы, повышала риск потери техники и не соответствовала расчётной эффективности операции.

Макдонал слушал молча. Потом шагнул вперёд, снял с плеча пулемёт и резко развернулся к командному мостику. В строю кто-то отступил, кто-то схватился за оружие. На мгновение показалось, что ещё одно движение — и гильдия начнёт стрелять сама в себя.

— Мой коэффициент полезного действия сегодня, видимо, будет нулевым, — произнёс Макдонал в общий канал. — Потому что я не оставлю своих ради красивой цифры.

Архи оказался рядом первым. Не чтобы удержать его от правды, а чтобы не дать гневу превратить её в трагедию. Саяр потребовал убрать оружие. Гоблин уже следил за выходами и за тем, кто поспешно отключал камеры наблюдения.

Никто не открыл огонь. Но после этого стало ясно: прежнего доверия больше нет.

Четверо встретились в стороне от казарм. Ни торжественной церемонии, ни заранее написанной клятвы не было. На столе лежала карта Пакса, рядом — несколько недопитых фляг. За стеной гудели ремонтные машины.

— Если уйдём, останемся без базы, — сказал Архи.

— Без складов, — добавил Гоблин. — Хотя это поправимо. Склады, как известно, любят новых хозяев. Я сейчас исключительно о законной торговле.

— Без прикрытия, — сказал Макдонал.

Саяр посмотрел на каждого по очереди.

— Зато решения будут нашими. И отвечать за них будем вместе.

Никто не предложил назначить главного. В этом не было нужды. Они не уходили от одного единоличного приказа ради другого. Каждый из четверых обладал собственным опытом, собственным упрямством и правом быть услышанным. Согласие не обещало лёгкой жизни, но давало то, чего им не хватало прежде: взаимное уважение.

Они покинули ангар Арракина под вой сирен и гул двигателей. Сняли знаки «Матрикса», оставив при себе потёртое снаряжение, добытое и отремонтированное собственными руками. За спиной звучали угрозы: без гильдии они никто, на Паксе им не выжить, пустыня быстро сотрёт их следы.

Саяр остановился у выхода.

— Мы не собираемся доказывать, что вы ошибались, — сказал он в сторону камер. — Мы собираемся жить иначе.

— А если всё-таки придётся доказывать? — спросил Макдонал.

— Тогда сначала найдём воду, — заметил Гоблин. — На пустой желудок и с сухим горлом революции получаются особенно дорогими.

Даже Архи улыбнулся.

Путь с Пакса начался не с победного марша, а с хлопот. Нужно было найти транспорт, договориться о перевозке имущества, проверить маршруты и убедиться, что никто не забыл заветный ящик с инструментами. Гоблин воспользовался торговыми знакомствами, Саяр вёл

переговоры, Архи сверял расчёты и крепления, Макдонал следил, чтобы сборы не превратились в бесконечное совещание.

Когда транспорт поднялся над посадочными площадками, внизу остались огни старого мира. Пакс не был только местом разочарования. Он научил их выживать, спорить, не отступать и различать цену вещи и цену человека. Без этого опыта не случилось бы их общего решения.

Впереди ждала Андромеда — новый мир, незнакомые гильдии, свободные участки пустыни и опасности, о которых пока никто из них не знал. На галопроекторе Архи возник простой знак: спартанский шлем. Не символ уже завоёванной власти, а обещание того, что ещё только предстояло построить.

— Дом будем ставить там, где меньше песка заносит вход, — сказал Архи.

— И где есть место для мастерской, — добавил Макдонал.

— И для переговорной, — сказал Саяр.

— И для склада, — немедленно вставил Гоблин.

— У тебя вся жизнь — склад, — вздохнул Макдонал.

— Неправда. Иногда ещё рынок.

Смех прокатился по тесной кабине. Впервые за долгое время никто не боялся, что за него придётся оправдываться перед начальством.

Песок оставался тем же. Менялись те, кто решился пройти по нему вместе.

Так начиналась СПАРТА.

Андромеда. Храм Ареса

Андромеда встретила их тишиной.

Не той мирной тишиной, которую оставляют после себя обжитые дома и вечерние разговоры, а настороженной, пустынной. Здесь даже ветер будто сначала присматривался к пришельцам, а уже потом решался коснуться их лиц. Над Котловиной Хагга стояло белёсое небо. Скалы, обточенные тысячелетиями песчаных бурь, поднимались над равнинами, словно стены древнего города, от которого уцелел один лишь фундамент.

Четверо остановились на каменном уступе. За спиной остался Пакс — его ржавые коридоры, привычные маршруты и решения, которые уже нельзя было отменить. Впереди лежал новый мир, не обещавший им ничего.

— Ну что, — нарушил молчание Саяр, поправляя ремень бронежилета, — здесь хотя бы песок другой?

— Тот же самый, — отозвался Макдонал, присев и пропустив горсть пес ка между пальцами. — Только пока не знает, кто мы.

— И хорошо, — заметил Гоблин. — Чем меньше о нас знают, тем дешевле обходится начало новой жизни.

Архи развернул карту местности. Над его запястьем вспыхнула полупрозрачная сетка рельефа, прорезанная линиями ущелий и отмеченными месторождениями.

— Нам нужна не красивая точка на карте, — сказал он. — Нам нужна такая, где можно жить, строить и не тратить половину дня на дорогу за каждым куском металла.

— А ещё желательно, чтобы нас не встречали сардаукары, — добавил Саяр. — Я, конечно, люблю знакомиться с новыми людьми, но не когда знакомство начинается с выстрела.

Они рассмеялись. Смех быстро растворился в сухом ветре, и напряжение последних дней немного отпустило.

Выбор пал на О'одхам — один из районов Котловины Хагга. Местность не поражала богатством красок: охристые обрывы, тусклые каменные площадки, песчаные карманы между скалами и редкие полосы тени, куда солнце добиралось лишь на короткое время. Но красота здесь измерялась не видом из окна.

Поблизости находились залежи алюминия и базальта. Алюминий обещал будущие конструкции и механизмы, базальт — прочные стены и опоры. Важнее было другое: в этом районе не было сардаукаров. Их отсутствие не делало О'одхам безопасным, но избавляло поселенцев от одной из самых неприятных угроз. Наконец, сравнительно близко располагался выход в Глобальную пустыню — туда, где богатство и опасность всегда шли рядом.

— Вот здесь, — Архи указал на широкую каменную террасу. — Основание устойчивое. Есть место под мастерские. И к основным маршрутам удобно выходить.

— Удобно выходить — это хорошо, — сказал Макдонал. — А возвращаться?

— Если построим всё правильно, тоже удобно.

Гоблин изучал карту молча, затем провёл пальцем по извилистой линии между скалами.

— А вот это мне нравится больше всего. До Глобальной пустыни рукой подать. Значит, можно быстро отправлять экспедиции. И быстро уходить обратно, если экспедиция вдруг перестанет быть научной.

— Ты называешь научной любую поездку, из которой возвращаешься с чужим барахлом? — спросил Саяр.

— Не с чужим. С бесхозным. Это принципиальная разница.

— А хозяин?

— Если хозяин нашёлся, значит, исследование продолжается.

Макдонал фыркнул. Архи покачал головой, но улыбку скрыть не сумел.

Они прошли по краю площадки, проверяя подходы, открытые направления и возможные места для построек. Порывы ветра били песком по броне. Где-то внизу между камнями двигались едва заметные тени — местная жизнь напоминала, что даже пустая на первый взгляд земля никогда не принадлежит человеку безоговорочно.

— Решаем? — спросил Архи.

Саяр оглядел простор. — Сардаукаров нет. Ресурсы рядом. Пустыня близко. Для начала звучит почти подозрительно хорошо.

— Тогда придётся испортить это впечатление работой, — сказал Макдонал.

— Я за О'одхам, — произнёс Гоблин.

Остальные согласились. Решение не требовало ни торжественной клятвы, ни долгой речи. Четверо равноправных офицеров выбрали место, где СПАРТА должна была пустить первые корни.

План поселения родился не сразу. Сначала на карте появилось четыре отдельных отметки — будущие дома основателей. Каждый хотел иметь собственное пространство: место, где можно снять броню, разобрать снаряжение, хранить личные находки и хотя бы ненадолго закрыться от шума общего дела.

— Предлагаю всем построить по дому, — сказал Архи. — Не казармы. Нормальные дома. Чтобы у каждого была своя дверь и свой порядок.

— И чтобы никто не переставлял мои вещи, — немедленно уточнил Гоблин.

— Твои вещи сами переставляются, когда ты пытаешься продать их дважды, — ответил Саяр.

— Клевета. Я никогда не продаю одну вещь дважды одному человеку.

— Значит, дважды разным?

— Не мешай мне формулировать правила торговли.

Но рядом с четырьмя личными домами на карте вскоре появилась пятая отметка. Она была крупнее остальных и располагалась в центре выбранной территории.

— А это что? — спросил Макдонал.

— Общая база, — ответил Архи. — Без неё мы останемся четырьмя соседями. Нам нужен общий запас воды, общие станки, место для переработки ресурсов. Всё, чем пользуется гильдия, должно работать на гильдию.

Саяр несколько секунд смотрел на схему.

— То есть у каждого свой дом, но сердце поселения одно.

— Именно.

— И никто не сможет сказать: «Это моя мастерская, поэтому сегодня вы работаете по моим правилам»?

Архи поднял взгляд. Они все понимали, почему этот вопрос прозвучал.

— Никто, — сказал он. — База принадлежит СПАРТЕ.

Наступила короткая пауза. Не тяжёлая, а необходимая. Пакс научил их: красивые слова имеют цену только тогда, когда за ними стоят поступки.

— Тогда строим, — подвёл итог Макдонал. — И желательно до того, как солнце решит окончательно нас прожарить.

Строительство началось с пыли, усталости и бесконечных споров о том, где должна проходить очередная стена. Базальт добывали у каменных выходов, раскалывая плотную породу под звенящие удары инструментов. Алюминий везли с месторождений, прокладывая маршрут через осыпи и узкие проходы. Каждая партия ресурсов казалась достаточной до той минуты, когда выяснялось, сколько ещё требуется.

Днём скалы раскалялись так, что воздух над ними дрожал. Ночью тепло уходило стремительно, и на металлических элементах оседала холодная пыль. Вдали поднимались сухие вихри. Иногда земля отвечала на шаги едва ощутимой вибрацией, напоминая, что на Арракисе даже неподвижность может быть обманчивой.

— Сколько нам ещё базальта? — спросил Саяр, опуская тяжёлый контейнер.

Архи посмотрел в расчёты. — Если для стен — немного.

— Отлично.

— Если для пола, опор и защитных секций — много.

— Я знал, что ты не закончишь на хорошем.

Макдонал уже поднимал следующий груз. — Меньше разговоров. Больше камня.

— Видишь? — Саяр указал на него Гоблину. — Вот почему опасно дружить с людьми, которые умеют работать.

— Согласен. Они портят репутацию всем остальным.

Однако оба подхватили контейнеры и пошли следом.

Постепенно из хаоса строительных деталей начал проступать замысел. Общую базу решили сделать не просто складом. Её центральное здание получило высокий фронтон, широкую площадку перед входом и ряды светлых колонн. Над массивными дверями поднялся угловатый металлический знак, похожий на древний щит и шлем одновременно. Тёмная кровля резкими линиями выделялась на фоне песчаных скал.

Внутри, за тяжёлыми стенами, размещались хранилища воды — самое ценное богатство пустыни. Рядом устанавливались станки, способные перерабатывать добытое сырьё в материалы для новых построек и снаряжения. Снаружи здание выглядело почти торжественно; внутри пахло нагретым металлом, каменной пылью и тяжёлой работой.

— Ты построил дворец для станков, — заметил Гоблин, разглядывая колонны.

— Это не дворец, — возразил Архи. — Это надёжная база.

— С колоннами.

— Колонны держат перекрытие.

— И производят впечатление, — вставил Саяр. — Впервые вижу склад, перед которым хочется выпрямить спину.

Макдонал остановился у входа, поднял голову и посмотрел на знак над дверями.

— Значит, ему нужно имя.

— «Склад номер один», — предложил Гоблин.

— Нет, — одновременно ответили остальные.

— «Очень большой склад»?

— Гоблин, — оборвал его Саяр.

Архи ещё раз посмотрел на строгий фасад. — Храм Ареса.

Название повисло в воздухе, словно его проверяли на прочность. Храм — не потому, что здесь собирались поклоняться камню или металлу. Арес — потому, что будущая жизнь потребует стойкости, готовности защищать своих и умения не отступать перед трудностями.

— Храм Ареса, — повторил Макдонал. — Подходит.

— Звучит дорого, — оценил Гоблин. — Значит, внутрь придётся поставить действительно хорошие станки.

— И действительно много воды, — добавил Саяр.

Так у общей базы появилось имя.

Когда основные стены были подняты, а первые механизмы заработали, О'одхам начал меняться. Между отдельными домами и Храмом Ареса протянулись знакомые тропы. По утрам слышался металлический стук, днём — гул оборудования, по вечерам — голоса тех, кто воз-

вращался с добычей. Над площадками медленно опускалась красная пыль, и каждый новый день начинался с того, что её приходилось счищать снова.

Однажды вечером четверо собрались на широкой площадке перед входом в храм. Солнце садилось за край Котловины, окрашивая колонны в медный цвет. За спинами гудели станки. Внутри хранилась вода, добытая и сбережённая общими усилиями. Поодаль виднелись четыре дома — разные по форме, как и их хозяева, но соединённые одной дорогой.

— Странное чувство, — произнёс Саяр. — Ещё недавно мы думали, как уйти с Пакса. Теперь думаем, куда поставить следующий перерабатывающий станок.

— Прогресс, — сказал Гоблин. — Раньше у нас были проблемы с людьми. Теперь с местом под оборудование.

— Проблемы с людьми ещё будут, — спокойно заметил Макдонал.

— Спасибо. Очень обнадеживающе.

Архи стоял у края площадки, глядя на уходящую в сумерки дорогу к выходу в Глобальную пустыню.

— Будут, — согласился он. — И с ресурсами будут. И с водой. Но теперь нам есть куда возвращаться.

Никто не ответил сразу. Слова были простыми, но каждый услышал в них больше, чем речь о стенах и запасах. На Паксе они оставили чужую систему, в которой общее дело слишком легко становилось чьей-то личной собственностью. Здесь они начинали иначе.

— Тогда договоримся об одном, — сказал Саяр. — Когда сюда придут новые люди, пусть они видят не четыре дома начальников, а место, где их ждут.

— И где они не забудут закрывать ёмкости с водой, — добавил Макдонал.

— И подписывать ящики, — сказал Архи.

— И не трогать мои... — начал Гоблин, но, встретив взгляды остальных, вздохнул. — Ладно. Общие ящики. Общие.

Они снова рассмеялись. Ветер ударил в колонны и унёс смех в пустыню.

Ночь медленно опускалась на О'одхам. Свет в окнах Храма Ареса не гас. За его стенами продолжали работать механизмы, наполнялись хранилища, росли запасы материалов. Это была ещё не великая крепость и не столица могущественного союза. Всего лишь первая общая база небольшой гильдии, построенная руками тех, кто решил начать заново.

Но именно здесь СПАРТА обрела не только название и совет офицеров. Здесь у неё появился дом.

А за каменными уступами Котловины Хагга простиралась Глобальная пустыня — огромная, беспощадная и полная историй, которые ещё только предстояло прожить.

ИМПЕРСКАЯ СТАНЦИЯ № 89

Утро в О'одхаме началось с привычного гула станков. В глубине Храма Ареса ровно вращались перерабатывающие барабаны, по трубам уходила очищенная вода, а за массивными воротами ветер гонял по каменной площадке сухую красноватую пыль. Новая база жила своей жизнью: исправно работала, требовала обслуживания и с каждым днём всё больше напоминала дом.

Только вот домом, как выяснилось, сражения не выигрывают.

На длинном столе в центральном зале лежали образцы снаряжения, добытые за последние дни. Всё было крепким, полезным, аккуратно собранным. И всё же каждый из четверых понимал: против настоящих опасностей Арракиса этого будет недостаточно.

— У нас достаточно алюминия, — сказал Архи, пробегая пальцем по списку запасов. — Базальта тоже. Воду мы накопили. Станки работают. Материалы для строительства есть.

— А хороших вещей нет, — закончил Макдонал, осматривая потёртую пластину на своём нагруднике.

— Есть хорошие стены, — заметил Гоблин. — Если что, будем бросать ими во врага.

Саяр, стоявший возле проекционного стола, даже не улыбнулся.

— Стены не пойдут с нами в пустыню.

Он коснулся панели. Над столом вспыхнула карта Котловины Хагга. За знакомыми ущельями и площадками возникла отметка старого имперского комплекса.

— Испытательная станция номер восемьдесят девять, — произнёс Саяр. — Там есть то, что нам нужно.

Гоблин прищурился.

— А почему это место называется испытательной станцией? Кого там испытывают?

— Судя по тому, что я узнал, — ответил Саяр, — в основном тех, кто туда приходит.

Макдонал наклонился ближе к карте.

— Что на складе?

— Игольчатые шмотки. Полный комплект. Хранится у лейтенанта Амана.

— Значит, попросим его поделиться, — сказал Гоблин.

— Он охраняет склад, — уточнил Архи.

— Тем более! Невежливо с его стороны держать всё при себе.

Саяр увеличил изображение входа. На экране выступил жёлтый знак радиационной опасности, перечёркнутый полосами старой имперской маркировки.

— Есть проблема. У входа зафиксирован высокий радиационный фон. Внутри он не исчезает. Обычная броня не поможет.

В зале стало тише. Даже гул станков за стеной показался громче.

— Радиационные костюмы, — произнёс Архи. — Для каждого. И проверка герметичности перед выходом.

— И запасные средства против отравления, — добавил Макдонал.

— И маршрут, — сказал Саяр. — Мы не сможем бесконечно бродить по коридорам. Даже в защите придётся следить за дозой и временем.

Гоблин оглядел собравшихся.

— То есть план такой: надеть неудобные костюмы, войти в радиоактивную дыру, пострелять в людей, которые там работают, отобрать вещи у начальника и успеть выбраться раньше, чем начнём светиться в темноте?

— Если сократить до неприличия, — сказал Архи, — да.

— Прекрасно. Люблю, когда план помещается в одно предложение.

Но никто не воспринимал предстоящий рейд как прогулку. Они уже научились отличать смелость от беспечности. Пустыня щедро наказывала за второе, а имперские руины, похоже, делали это ещё быстрее.

Решение приняли без долгих речей. Каждый отвечал за свою часть подготовки, но идти должны были вместе. Склад Амана не предназначался для одиночек, и СПАРТА не собиралась проверять это ценой чьей-то жизни.

К полудню Храм Ареса превратился в мастерскую перед походом. На одной стороне зала Архи раскладывал защитные костюмы и проверял соединения, на другой Макдонал приводил в порядок оружие. Саяр изучал схему комплекса и помечал возможные узкие проходы. Гоблин занимался припасами — занятием, которое он называл «спасением экспедиции от чужого оптимизма».

— Четыре фильтра, четыре комплекта запасных уплотнений, медицинские средства, вода, — перечислял он, перекладывая контейнеры. — И кое-что на случай, если переговоры с лейтенантом пройдут плохо.

— Они пройдут плохо, — сказал Макдонал.

— Ты убиваешь во мне веру в дипломатию.

— У тебя есть вера в дипломатию? — спросил Саяр.

— Конечно. Пока она не мешает торговле.

Архи поднял один из костюмов. Матовая ткань была плотной, с усиленными швами; воротник замыкался в жёсткое кольцо, а забрало оставляло узкое поле зрения. Под таким снаряжением трудно было забыть, что снаружи находится среда, способная убить даже без единого выстрела.

— По одному, — распорядился он. — Проверяем крепления. Если что-то травит — меняем сразу.

Гоблин натянул перчатку и попробовал согнуть пальцы.

— В этом можно хотя бы открыть ящик?

— Можно, — ответил Архи.

— А быстро открыть ящик?

— Тебе не надо открывать все ящики станции.

— Это уже ограничение свободы предпринимательства.

Макдонал застегнул защиту на запястье и повернул голову к товарищам.

— Внутри никаких споров у дверей. Двигаемся вместе. Увидели опасность — сообщили. Кто отстал — возвращаемся за ним.

— И не геройствуем ради лишнего контейнера, — добавил Саяр.

Гоблин посмотрел на него с таким выражением, будто услышал личное оскорбление.

— Даже если контейнер очень красивый?

— Особенно тогда.

Когда последний шов прошёл проверку, они выстроились у выхода. Сквозь высокие проёмы Храма Ареса виднелись четыре отдельных дома, солнечный свет на колоннах и узкая дорога к каменистым уступам. Всё, ради чего стоило возвращаться.

— Проверка связи, — сказал Саяр.

— Архи на связи.

— Макдонал на связи.

— Гоблин на связи. В случае моей героической гибели прошу подписать складские ящики моим именем.

— Не погибай, — коротко ответил Макдонал.

— Вот это уже конструктивный приказ.

Путь к станции пролегал через сухие каменные ложбины, где воздух дрожал от жара. Скалы стояли слоями, словно огромные стены, сложенные безымянными строителями. Песок

скапливался в трещинах и на уступах, ветер свистел в узких расщелинах. Вдали едва угадывался светлый просвет дороги к Глобальной пустыне, но сегодня четверо направлялись в другую сторону — туда, где старые имперские сооружения цеплялись за камень, будто не желая признавать, что их время прошло.

Станция № 89 появилась внезапно. За поворотом ущелья обнаружился массивный вход, врезанный в скальную породу. Бетон потемнел от пыли, металлические ребра ворот покрылись рыжими разводами. Над проёмом тускло мерцали аварийные лампы. Где-то внутри монотонно стучал неисправный механизм.

У внешнего поста прибор Архи ожил резким треском. Цифры на дисплее поползли вверх.

— Радиация высокая. Здесь уже нельзя задерживаться.

— А я надеялся устроить пикник, — вздохнул Гоблин.

Саяр взглянул на остальных через затемнённое забрало.

— С этого момента считаем время. На обратный путь оставляем запас. Если кто-то получает опасную дозу, выходим независимо от добычи.

— Даже если Аман уже почти побеждён? — спросил Макдонал.

— Даже тогда, — ответил Архи. — Вещи можно добыть снова. Своих — нет.

На мгновение все четверо замолчали. Затем Макдонал кивнул.

— Договорились.

Саяр включил отсчёт.

— Пошли.

Внутри станция пахла горячим металлом, озоном и старой пылью. Свет аварийных полос ложился на пол неровными красными пятнами. За бронированными окнами виднелись лабораторные отсеки, пустые столы и перевёрнутые тележки. По стенам тянулись толстые кабели; кое-где они исчезали под панелями, кое-где висели оборванными жгутами.

Первый выстрел прозвучал прежде, чем они добрались до развилки.

Пуля ударила в металлическую стойку, выбив искры. Макдонал мгновенно шагнул за выступ, прикрывая проход.

— Охрана впереди! Двое справа, ещё один за перегородкой!

— Вижу, — отозвался Саяр. — Архи, держи левую сторону. Гоблин, следи за тылом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.